

Событие в структуре биографического текста

Е.Е. Сапогова

доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии Тульского государственного университета

В статье рассматриваются особенности построения автобиографического текста, описанного как цепочка упорядоченных между собой событий. Если единицей жизни считать события как постоянно происходящие с человеком действия или случаи в совокупности их значимых и незначимых для человека признаков, то при их включении в автобиографический текст осуществляется превращение произошедшего случая в свое событие («для-себя-событие») за счет вовлеченности в него, небезучастности к его значению и амплификации – пристрастного наделения избыточным по отношению к нему смыслом. Описан ряд особенностей биографической событийности – «событийные ожидания» («экзистенциальная готовность» субъекта к событию), «насыщенное описание» (амплификация), символизация, смысловая иерархизация, «когерентная волна», «онтологический импульс» и «чувство возможного» (чувство «если»).

Ключевые слова: автобиографический нарратив, жизненный опыт, смысл, символизация, событие, текст, социализация, культура.

В последние годы в отечественной психологии, как кажется, нарастает интерес к анализу событий жизни не абстрактно-обобщенного субъекта как представителя своего времени, этноса, социальной, профессиональной или возрастной группы, а конкретного человека, проживающего жизнь «здесь-и-теперь» в качестве неповторимого экзистенциального приключения. На наш взгляд, это связано со все большим осознанием того факта, что жизненный путь каждой личности интересен не только и не столько тем, как в нем отражено всеобщее, сколько найденными ею смыслами, единичными способами со-бытия с миром, построением уникальной в своем роде внутренней реальности в пределах общих социокультурных и временных границ. Именно они теоретически способны нести в себе «принципиальную новизну» (Н.А. Бердяев) для субкультур и социума.

Но как эта новизна может быть обнаружена, явлена другим? Процесс «самоявления» требует, во-первых, внутренней интенции, готовности личности открываться через диалог для других, во-вторых, он может осуществляться как ответ на «вопрошание» других, ищущих ответы на те же самые вопросы, что и она. Чтобы раскрыть систему личных смыслов для других, человек становится «знаком самого себя», дробя свою цельность «на множество относительных значений, составляющих семантику личной жизни, увиденной как текст повседневно творимой биографии» [8, с. 7]. Фактически это процесс означивания собственных смыслов, их перевод из континуального в дискретное состояние. Распаковка собственных смыслов для других происходит опосредованным образом – через знак, слово, текст, выступающие «как факты объективации сознания» [4, с. 61].

Одним из способов самовысказывания, языковой идентификации опытов индивидуальной жизни является автобиографический нарратив [9, с. 15] с его

своеобразной семантикой. Проговаривая вслух самого себя, строя для другого постоянно удлиняющийся текст о себе, человек не только упорядочивает и конструирует самого себя как часть современного ему мира, но и создает контуры себя-иного, пока отсутствующего в бытии, но могущего появиться как результат осуществления «идеального проекта» (термин С.Н. Булгакова), выбранного личностью для самореализации. В известном смысле, презентуя себя для других в текстах о себе (правдивых или вымышленных), человек удостоверяет способ своего существования в социальном пространстве и одновременно верифицирует свои смыслы. Автобиографический текст, сколь официальным бы он ни был, всегда пристрастен, он несет в себе отпечаток субъективной семантики личности, выражение отношения человека к себе и событиям своего существования, преломленное через систему общекультурных значений.

Когда Ж. Женнет говорит, что любой текст может быть описан как риторическая амплификация некоего суждения [3], эта мысль как нельзя лучше подходит к построению текста автобиографии, который в процессе многократного рассказывания не просто удлиняется, но изменяется в зависимости от ключевых представлений и отношений личности к себе, другим, миру, формирующихся на разных этапах развития под влиянием всевозможных обстоятельств. Первоначальное знание о себе по мере накопления опыта многократно расширяется. Анализируя квазибиографические тексты о себе, которые могут создать дошкольники, легко заметить, что они есть расширение фундаментального утверждения «Я есть», удостоверяемое именем, наличием родителей, принадлежностью себе игрушек и т. д. Со временем тексты простого самоудоверения, разворачиваясь во временной перспективе, становятся автобиографическими, частично метафорическими, самопрезентациями,

сохраняя экзистенциал «Я есть» в своей основе («Я есть – ...»).

Строительство «Я для себя», отраженное в автобиографическом нарративе, – процесс вероятностный, *возможностный* (М.Н. Эпштейн). Происшествия жизни (встречи с людьми, переживание определенных обстоятельств, межличностные коллизии и пр.) открывают в каждом человеке те миры, о которых он мог и не подозревать до столкновения с ними, «при этом возможность предстает не просто как еще не реализованный потенциал, а, скорее, как невозможность полной реализации, как путь» [7, с. 15]. Пристрастно осмысляя каждый прожитый отрезок и последовательно соединяя жизненные опыты в автобиографический нарратив, человек выполняет принципиально важную функцию самоосознания: в этой внутренней деятельности его «Я» постоянно *разотождествляется* с самим собой, создавая новые возможности для самого себя. Выдуманная жизнь становится своеобразным посредником между тем, что человек в себе осознаёт и переосознаёт, и тем «проектом себя», который он мог бы осуществить в жизни. «Я могу быть» как «вечная неосуществимость» постоянно сохраняется под оболочкой «Я есть» (М.Н. Эпштейн). Повествование о себе не только упорядочивает самопредставления, но и дает возможность реально пережить небывалость и несбыточность своего бытия. В этом смысле использование в отношении построения текста автобиографии метафоры «игры с самим собой» представляется весьма уместным, поскольку в ней модельно опробуются возможные риски, проигрываются последствия планируемых действий, строятся новые смыслы.

Если единицей жизни считать события как постоянно происходящие с человеком действия или случаи в совокупности их значимых и незначимых для человека признаков (данность, явь), то при их включении в автобиографический текст осуществляется превращение происшедшего и сохраненного в «памяти души» (В.П. Зинченко) случая в *своё* событие («для-себя-событие») за счет вовлеченности в него, безучастности к его значениям (М.М. Бахтин) и амплификации – пристрастного наделяния *избыточным* по отношению к нему содержанием. Эту избыточность создают собственные смыслы человека, отражающие его глубоко личное, ценностное отношение к происходящему, «превращающее проживание в переживание» [5, с. 271].

При построении автобиографического повествования условной первой фазой (уровнем истории) является отбор событий для текущего общения. Несмотря на то что одновременно и последовательно с человеком случается много разных происшествий, с той или иной выраженностью его вовлеченности в них, далеко не всё происходящее обретает статус «своего» события. Выбор содержания нарратива ориентирован на «здесь-и-теперь-ответность» внешнего или внутреннего слушателя. Автобиографический текст скорее всего существует не как полуфабрикат, заготовка, а как ак-

тивная (живая) образно-вербальная потенциальная форма воплощения личных смыслов. Второй фазой (уровнем наррации) является собственно нарратизация как результат композиционного построения биографического текста (линеаризации, перестановки), связывающего ситуации, персонажей, действия в том порядке, который необходим для достижения иллюстративности, убедительности и т. п. На этом уровне избирается форма изложения, отражающая осмысление жизни как «одиссеи», «трикстериады», «дьяволиады», «притчи», «жития» и т. д., как нарративные фигуры, сюжеты и пр. В нарративной структуре событие иногда подвергается апокрифированию и даже искажению. И наконец, третий уровень (вербализации нарратива) – ориентированная на слушателя презентация повествования, включающая интонации, паузы, темпоритм повествования, стиливые паттерны и выражения, свойственные конкретному рассказчику, невербальные вставки и т. п., призванные усилить или сгладить впечатление от тех или иных фрагментов текста.

Наш эмпирический анализ собранных в течение нескольких лет биографических текстов, составленных взрослыми людьми, обнаруживает удивительный факт: если на первой фазе высокой значимостью обладает личная вовлеченность в происходящее, его внутренняя причастность человеку, то нарратизация «одевает» отобранное событие в «новые одежды». Нарратор как бы усиливает значимые для него моменты события за счет насыщения деталями, почерпнутыми из семиотических ресурсов культуры (традиции, предания, фольклор). Создается парадоксальное впечатление, что уникальность своего события, своих смыслов выглядит для личности более достоверной и убедительной при апелляции к имеющимся культурным прототипам (повествователи часто с легкостью превращают «Они» в «Мы», а «Мы» в «Я», вместо того чтобы совершать внутреннюю работу самопостроения). Кажется, что культура, приобщающая человека к своим бесконечным семиотическим ресурсам, одновременно «вырывает» из его рук индивидуальный жизненный опыт, стремясь «обобществить» его, подсказать, как описать случившееся в общекультурных категориях.

В построении автобиографического нарратива человек ориентируется на имеющиеся прототипы и значения прежде всего для того, чтобы быть понятным (в том числе и самому себе), тем более что социализация предоставляет ему избыточное их количество. Далеко не каждый может позволить себе быть *не понятным, а понятным*, процесс означивания глубоко личностных постижений и смыслов когнитивно трудный. Содержащийся же в культурных текстах объем описаний того, *что* и *как* с человеком может происходить в жизни, столь велик, что ему может казаться, что все варианты исчислены и достаточно сравнить происходящее с ним с образцами, чтобы обнаружить, что «ничего нет нового под солнцем». Способность всё же противостоять эманации прототипа и строить отклоняющийся от типичных сюжетов самоописатель-

ный текст с целью передачи собственных смыслов соотносима с идеей Э. Мунье об «интегральном героизме» каждого субъекта, состоящем в возможности творчески генерировать индивидуально своеобразные способы взаимодействия с реальностью при возникновении нетривиальных бытийных ситуаций, для которых не предусмотрены «ключевые» ответы, потому что никто до данного субъекта не ставил таких вопросов [6].

Анализируя особенности событий автобиографического повествования, мы выделили несколько моментов в их понимании.

В первую очередь это «событийные ожидания» или «экзистенциальная готовность» субъекта к событию – своеобразное состояние когнитивного и эмоционального напряжения, ожидания ситуаций, которые будто бы «должны свершиться» в жизни. Так, к примеру, любой социализированный субъект чуть ли не с дошкольного возраста знает, что на жизненном пути его «должны ожидать» влюбленность, создание семьи, профессиональная деятельность, утрата родителей и т. п., поэтому он заранее формирует отношение к этим будущим происшествиям как к *событиям* и избыточно внимателен к тем «зонам» повседневности, в которых вероятно появление этих происшествий. Может быть, именно из-за этих ожиданий, иногда не оправдывающихся, происходит нарративное искажение собственного опыта: к примеру, если на жизненном пути человека не случилось «большого и светлого чувства», он либо принимает за него что-то другое, либо оправдывает его отсутствием некими обстоятельствами жизни, либо вообще выдумывает его в историях о собственной жизни, презентуемых другим, и т. д.

Признаки и значения ряда жизненных ситуаций, в принципе, изначально знакомы субъекту по текстам, освоенным в социализации. Особое значение несут тексты, выполняющие функцию *прецедентных*, т. е. такие, в которых для субъекта в первой/образцовой форме выступают значения будущих важных для него случаев. Их функция, среди прочих, состоит в предварительной «разметке», «программировании», «форматировании» еще не состоявшегося в социокультурном пространстве жизненного пути, в его семантизации с помощью общекультурных средств. Фактически такие тексты в каком-то смысле принуждают человека ожидать наступления определенных случаев и содержат в себе ряд ответов на еще не сформулированные им вопросы, хотя не обязательно на те, которые поставит перед ним его собственная жизнь. Но в реальном проживании жизни человек не всегда схватывает в явлениях и предметах в качестве ключевых именно те признаки, которые заповеданы культурой, обществом. Релевантными для него могут стать совершенно иные признаки с их значениями происходящего, которые субъект волен помещать в любые персональные контексты, считая имеющими отношение именно к нему. В толще культуры предметы и явления наделены большим разнообразием признаков, и задача текстов, используемых для ранней социализации, – вы-

строить в сознании *прецедентную систему предпочтений* одних значений другим. Поскольку процессы обновления в канонизированных собраниях таких текстов протекают медленно, образцы постепенно устаревают, из-за чего человек может, отвергнув «настойчивые» признаки, обнаруживать новые.

Второй немаловажный момент в превращении жизненного происшествия в свое событие – *амплификация, создание «насыщенного описания»*, под которым мы понимаем избыточное насыщение некоего случая личностными смыслами, привнесение в него признаков, создающих возможность определенной интерпретации происшедшего в условиях знания социальных кодов. «Насыщенное описание», сопровождающее превращение действия или случая в событие, указывает на специфический тип интеллектуальной деятельности (нарратизации), который мы связываем с намеренным наполнением смыслами того, что само по себе не является их прямым носителем. Именно наличие «насыщенных описаний», особенно в условиях бедной на события жизни, удерживает данные случаи в канве автобиографии, надолго выделяя их из череды других жизненных происшествий. Может быть, через насыщенные описания конкретные события связывают человека с чем-то большим (как минимум с культурой, как максимум с чем-то надчеловеческим), чем являлось событие само по себе и основанное на нем восприятие человеком самого себя.

Третий момент – *символизация* – выступает как сознательное действие субъекта в качестве творца текстовой версии своей жизни, при котором определенное событие приобретает статус *биографического символа*: вслед за Ж. Делёзом можно предположить, что со временем некое событие с его насыщенным описанием, выдержавшим проверку временем, может превратиться в символическое отображение вообще всех событий в жизни субъекта [2] – именно о нем, вероятно, сам человек может сказать, что прожил жизнь «ради...». Оно становится своеобразной меткой, мотивом прожитой единичной жизни. По существу, строя автобиографический нарратив, субъект *производит* смыслы и символы, *принуждает смысл существовать через него*: «смысл – это вовсе не принцип и не первопричина, это продукт» [1, с. 53] жизнетворчества.

Человек волен возвышать до уровня символа любое из случившихся с ним происшествий. В ряде случаев такое возвышение может быть связано с сопряжением автобиографического содержания с историческими обстоятельствами жизни человека (войны, революции, социальные катаклизмы и пр.), придающими дополнительную ценность, «нарративный вес» субъективным переживаниям и одновременно заставляющими осмыслять свою жизнь не столько как «экзистенциальное приключение», сколько как частицу большого исторического процесса. Символизированные события могут подчинять себе все жизнеописание, делая его содержание менее персональным. Кроме того, символизация отражается в форме автобиографи-

ческого нарратива констатирующей, перформативной, дидактической, энтимематической, символической.

В рамках символизации можно говорить также о *смысловой иерархизации* жизненных событий в индивидуальной биографии. Сколь бы ни были наполнены смыслом все включенные в нее события, некоторые из них сам субъект воспринимает как уникальные, единичные, данные в опыте только ему и неповторимые. Такие события могут связываться с сокровенностью самой личности, связывать субъекта с чем-то большим, чем он сам (Богом, космосом, фатумом), выражать его «самое само» (А.Ф. Лосев). События этого уровня, возможно, вообще не включаются в рассказы о себе, презентуемые другим, составляя сокровенные «тексты для себя».

Для понимания процессов упорядочивания и структурирования автонарратива мы предлагаем также использовать метафору когерентной (связующей) волны. *Когерентная волна* – ментальный процесс переупорядочивания выстроенного автобиографического гипертекста: после превращения определенного происшествия в свое событие это новое событие заставляет нарратора так или иначе перестраивать, переструктурировать имеющееся жизнеописание с помощью восходящих и нисходящих нарративных трансформаций. Человек вынужден корректировать и даже существенно менять содержание и значение некоторых фрагментов автобиографического нарратива, чтобы расставить в прошлом метки, свидетельствующие о возможности и необходимости наступившего события. Более того, эта волна требует выстраивания определенных стратегий в отношении будущих происшествий и случаев (логика свершения одного события тянет за собой логику других, образуя новые последовательности).

«Когерентная волна» требует переупорядочивания (создания причинно-следственных связей) уже сложных иерархий автобиографических событий. Она уже не столько обобщает единичные события в последовательности, сколько связывает истории, жизненные сюжеты между собой и обобщает их до предельно сжатой формы – «смысла жизни». Именно поэтому, пока жизнь длится, рассказы о себе могут существенно меняться. Каждое новое событие в большей или меньшей мере меняет внутреннюю логику автобиографии, особенно если субъект чувствует противоречия между событиями. Метафора когерентной волны объясняет и тот факт, что со временем в автобиографии могут появиться встроенные фрагменты, являющиеся чистым продуктом воображения.

Важную функцию при построении автобиографического нарратива выполняет *онтологический импульс* (Г.Л. Тульчинский), при котором желаемому или должному субъект придает экзистенциальный статус («Да будет...!»). В этом случае некоторые еще не случившиеся, но уже наполненные для человека смыслом события получают дополнительную энергию, чтобы сбыться. Это не просто некие допущения или предположения субъекта, а почти целевые конст-

рукции сознания, способные конструировать для него реальность будущих происшествий. Не только личность строит текст своей жизни, но и текст строит личность. Для человека отнюдь не праздным является вопрос: «Что было бы, если бы я тогда не ..., а ...?», потому что *его индивидуальная история есть совокупность не только того, что было, но и того, что могло бы быть*. И именно растущий объем не свершившихся в его жизни фактов нарративно устанавливает значение тех, которые свершились [10].

Еще одним существенным моментом построения автобиографического нарратива, связанным с предыдущим, мы считаем присутствующее в нем *чувство возможного, чувство «если»*. Оно состоит в том, что, рефлексируя происходящее в жизни как событие, человек всякий раз переживает интуитивное расширение тех мыслей и чувств, которые сопровождали происшедшее. «Это чувство нельзя свести к ожиданию, предвидению, предсказанию, потому что оно не соотносится с реальностью, как своего рода *модальное волнение*, вызванное непрерывной игрой и сменой модальных установок. Мы участвуем в конкретных событиях – и одновременно переживаем их многовариантность, их насыщенность иными возможностями, которые не просто соприсутствуют с реальностью, но интенционально растворяют ее в себе» [10, с. 152].

Рассказываемый, сотворяемый текст автобиографии выполняет функцию зеркала, в котором автор может многократно увидеть себя как *иного*. Автобиографический текст нечто принципиально другое, чем отраженная в нем жизнь, нечто избыточное по отношению к ней. Автокоммуникация, совершаемая в автонаррации, размыкает границы между реальным миром и миром текста, позволяет через текст увидеть то, что может быть, не открывается человеку в мире реальном. Авторская проекция в автобиографию и иные истории о себе обладают, на наш взгляд, сильным эффектом последствия, что позволяет использовать их в качестве терапевтического средства.

Каждый последующий жизненный этап вбирает в свой смысловой состав возможности предыдущих. Этим объясняется принципиальное нарастание возможностей с возрастом. Человек постоянно растет как потенциальное существо, и его жизнь до старости не утрачивает «зова и горизонта» (М.Н. Эшштейн), хотя после пересечения границы сорока лет (кризиса среднего возраста) он растет, заведомо зная, что не сможет полностью реализоваться и часть своих возможностей унесет с собой. Вероятно, именно поэтому феномен «придуманных жизней», состоящих из реинтерпретированной смеси реальных и вымышленных событий, мы в консультативной практике наблюдали у людей преимущественно старше сорока лет. И хотя образование новых потенциальностей идет параллельно осуществлению жизненных возможностей, внутренний мир взрослого человека заполнен несостоявшимися возможностями, часто теми, которые вообще не подлежат воплощению [10].

Литература

1. Бадью А. Делёз. «Шум бытия». М., 2004.
 2. Делёз Ж. Логика смысла // Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum Philosophicum*. М., 1988.
 3. Женет Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры. М., 1998. Т. 2.
 4. Зинченко В.П. Живое знание. Самара, 1997.
 5. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики. (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина). М., 2002.
 6. Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
 7. Тульчинский Г.Л. Возможное как сущее // Эпштейн М.Н. *Философия возможного*. СПб., 2001.
 8. Тона В.И. Бахтин как парадигма мышления // Дискурс. 1996. №1.
 9. Хеннингсен Ю. Автобиография и педагогика. М., 2000.
 10. Эпштейн М.Н. *Философия возможного*. СПб., 2001.
-

Event in the structure of biographical text

Ye. Ye. Sapogova

Ph.D. in Psychology,

Professor, Head of the Psychology Department of the Tula State University

The author describes the specifics of construction of autobiographical text consisting of various events that are put in order. Such events (i.e. constantly happening actions in one's life) or incidents (in the aggregate of their significant and insignificant characteristics) are considered a unit of life, and their inclusion in an autobiographical text transforms incident into one's own event («event-for-myself») through one being involved in it and being concerned about its meanings and amplification, that is, through imparting excessive meaning to such incidents. The article describes several specificities of biographical eventfulness – «event expectancy» (i.e. one's «existential preparedness» for event), «rich description» (i.e. amplification), symbolization, prioritization of events by their meaning, «coherent wave», «ontological impulse», and «the feeling of the possible» («the feeling of «if»).

Keywords: autobiographical narrative, life experience, meaning, symbolization, event, text, socialization, culture.

References

1. Bad'yu A. Delez. «Shum bytiya». М., 2004.
2. Delez Zh. Logika smysla // Delez Zh. Logika smysla. Fuko M. *Theatrum Philosophicum*. М., 1988.
3. Zhennet Zh. Povestvovatel'nyi diskurs // Figury. М., 1998. Т. 2.
4. Zinchenko V.P. Zhivoe znanie. Samara, 1997.
5. Zinchenko V.P. Psihologicheskie osnovy pedagogiki (Psihologo-pedagogicheskie osnovy postroeniya sistemy razvivayushego obucheniya D.B.El'konina). М., 2002.
6. Mun'e E. Manifest personalizma. М., 1999.
7. Tul'chinskii G.L. Vozmozhnoe kak sushee // Epsh-tein M.N. *Filosofiya vozmozhnogo*. SPb., 2001.
8. Tyupa V.I. Bahtin kak paradigma myshleniya // Diskurs. 1996. № 1.
9. Henningsen Yu. Avtobiografiya i pedagogika. М., 2000.
10. Epshtein M.N. *Filosofiya vozmozhnogo*. SPb., 2001.